

Л. Шестов

На весах Иова
Странствования по душам

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
Л11

Л11 **Л. Шестов**
На весах Иова: Странствования по душам / Л. Шестов – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 374 с.

ISBN 978-5-458-78335-4

ISBN 978-5-458-78335-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НАУКА И СВОБОДНОЕ ИЗСЛѢДОВАНИЕ

(Вмѣсто предисловія)

I

Вспоминается старое, всѣмъ извѣстное, но всѣми забытое преданіе. Умная ѳракіанка, которая видѣла, какъ искавшій неоесныхъ тайнъ Ѳалесъ провалился въ колодезь, искренне хотала надъ старымъ чудачкомъ: не можетъ разглядѣть, что у него подъ ногами и воображаегъ, что разглядитъ, что на неоѢ...

Всѣ здравомысляще люди разсуждаютъ такъ же, какъ и ѳракіанка. Всѣ уоѢждены, что *ordo et coenexio rerum* на неоѢ такое же, какъ на землѣ. Даже философы, которые, нужно полагать, не безъ основанія всегда прислушивались къ сужденіямъ умныхъ людей, уже съ давнихъ поръ стремятся установить законъ непрерывности явленій во вселенной. Самъ Ѳалесъ, о которомъ преданіе сохранило намъ только что разсказанный анекдотъ, самъ Ѳалесъ былъ тѣмъ, кому впервые пришла мысль о единствѣ мірозданія. И вполнѣ допустимо, что, когда онъ, провалившись въ свой колодезь, услышалъ веселый смѣхъ молодой дѣвушки, онъ съ ужасомъ почувствовалъ, что «правота» на ея сторонѣ, что нужно, дѣйствительно нужно смотрѣть сеоѢ подъ ноги даже тому или, пожалуй, тому по преимуществу, кого тревожатъ тайны неба.

Ѳалесъ былъ отцомъ древней философіи, его ужась и его, выросшія изъ ужаса, убѣжденія преемственно сообщились его ученикамъ и ученикамъ его учениковъ. Въ философіи законъ наслѣдственности также властно и нераздѣльно царитъ, какъ и во всѣхъ другъхъ областяхъ органическаго бытія. Если вы въ этомъ сомнѣваетесь, загляните въ любой учебникъ. Послѣ Гегеля никто не смѣетъ думать, что философамъ дано «свободно» мыслить и искать. Философъ вырастаетъ изъ прошлого, какъ

растеніе изъ почвы. И если Фалеса напугалъ смѣхъ и обидныя слова Фракіанки, то всѣ, кто слѣдовалъ за нимъ, были уже достаточно напуганы и «обогащены» его опытомъ. Они уже твердо знали, что прежде, чѣмъ искать на небѣ, нужно тщательно разглядѣть, что у насъ подъ ногами.

Въ переводѣ на школьный языкъ это значитъ: философія во что бы то ни стало хочетъ быть наукой. Она, какъ и наука, стремится возвести свое знаніе на прочномъ основаніи, на гранитѣ. Кантъ, стало быть, имѣлъ законное право ставить въ «Критикѣ чистого разума» свои знаменитые вопросы, равно какъ и составлять *prolegomena* ко всякой будущей метафизикѣ. Если Фалесъ попалъ въ колодезь на землѣ, то, какъ совершенно правильно фразсуждала Фракіанка, его заоблачныя путешествія не предвѣщали ничего добраго. Нужно выучиться твердо ходить по землѣ, тогда только будетъ намъ обезпеченъ успѣхъ на небѣ. И наоборотъ: кто не умѣетъ ориентироваться въ нашемъ мірѣ, тотъ ничего не найдетъ и въ иныхъ мірахъ...

Изъ этого какъ будто слѣдуетъ, что Гегель былъ совсѣмъ неправъ, представляя свое прославившееся возраженіе противъ кантовской теоріи познанія. Онъ, какъ извѣстно, сравнивалъ Канта съ пловцомъ, который, прежде, чѣмъ броситься въ воду, хотѣлъ бы знать, какъ нужно плавать. Это было бы вѣрно, если бы ни самъ Кантъ и никто другой до Канта не пробовалъ ни разу изучать міръ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. и небо, и землю, — и всѣ ограничивались только вопросомъ: какъ нужно изучать? На самомъ дѣлѣ все было иначе: люди, въ теченіе многихъ столѣтій до Канта, плавали, много и хорошо плавали (Кантъ это особенно подчеркнул въ своей основоположной книгѣ) и Кантъ предложилъ свои вопросы послѣ того, какъ онъ самъ не разъ бросался въ воду.

Такъ, что возраженіе Гегеля, если его понимать à la lettre, оказывается неудачнымъ, наскоро сколоченнымъ софизмомъ. Но нѣтъ основаній думать, чтобъ Гегель былъ настолько наивенъ и на самомъ дѣлѣ считалъ, что такимъ легкомысленнымъ соображеніемъ можно было отдѣлаться отъ поставленныхъ Кантомъ вопросовъ. Все говорить за то, что мысль Гегеля была много глубже и серьезнѣе, и именно потому, что она была глубока и серьезна, онъ облекъ ее въ форму шутки. Вѣдь вопросы Канта по самому существу своему были такіе, что поставить-то ихъ можно было, но отвѣтить на нихъ совсѣмъ и нельзя было — ни такъ, какъ Кантъ отвѣтилъ, ни какимъ бы то ни было другимъ способомъ. Кто знаетъ, — можетъ быть, и самъ Кантъ это чувствовалъ, и потому онъ обнаружилъ только половину и далеко менѣе трудную и важную вопроса, а самое трудное и важное такъ-же скрылъ, какъ и Гегель въ своемъ шуточномъ возраженіи. Канту, разъ онъ за-

тѣялъ создать теорію познанія, т. е. дать философское обоснованіе наукѣ, никакъ нельзя было исходить изъ положенія, что у насъ существуютъ науки — математика, естествознаніе и т. д. Существуютъ науки, — да, но этого недостаточно. Задача, вѣдь, въ томъ, чтобы оправдать ихъ существованіе. Многое существуетъ, что не можетъ и не должно быть оправдано. Существуютъ воровскіе притоны, игорные дома, притоны разврата, — но фактъ ихъ существованія ничего не говоритъ ни въ ихъ пользу, ни противъ нихъ. И существованіе наукъ и даже оказывавшійся имъ всегда почетъ нисколько не защищаетъ ихъ отъ возможныхъ укоровъ. Сейчасъ науки всѣми приняты и приносятъ пользу. А что, если того, кто этимъ наукамъ ввѣряется, и на нихъ полагается, гдѣ-то въ послѣднемъ счетѣ ждетъ что-то, много худшее, чѣмъ то, что было уготовлено Фалесу, когда онъ глядѣлъ черезъ свою трубу на небо? И, стало быть, философъ, если онъ хочетъ избѣгнуть бѣды, долженъ не искать связей съ наукой, а всячески рвать ихъ?

Какъ отвѣтить на такой вопросъ? Куда идти съ нимъ? Кого спросить? И есть ли вообще такое существо, такая инстанція, къ которой можно съ такимъ вопросомъ обращаться? А, если есть, то по какимъ признакамъ узнать, что мы попали, куда слѣдуетъ?

Кантъ, говорю, этихъ вопросовъ не ставилъ. Онъ «былъ убѣжденъ», что есть куда идти, что есть что-то непогрѣшимое либо въ насъ, либо внѣ насъ, что разъ навсегда и безошибочно разрѣшило, либо разрѣшитъ тѣ сомнѣнія, которыя кроются въ гегелевскомъ возраженіи. Иначе говоря — плавать-то мы умѣемъ и ко дну не пойдемъ, нужно только отдать себѣ отчетъ въ томъ, какими приѣмами мы пользуемся, чтобы держаться на поверхности.

Откуда пришли къ Канту его убѣжденія? Онъ молчитъ объ этомъ, точно бы тутъ и спрашивать не о чемъ было. Но тутъ есть о чемъ спрашивать и, если Кантъ не отвѣчаетъ, то, поневолѣ, приходится искать отвѣтъ въ иныхъ мѣстахъ.

Въ «Свадьбѣ Фигаро» у Бомарше Сусанна сталкивается съ Фигаро по поводу будущаго устройства ихъ семейнаго очага. При первомъ же возраженіи Фигаро Сусанна обрываетъ разговоръ и съ той ясностью, которую мы всегда ищемъ, но далеко не всегда находимъ даже у лучшихъ философовъ, заявляетъ ему, что она вовсе не намѣрена съ нимъ спорить и доказывать свою «правоту». Ибо, поясняетъ она, разъ я вступила бы въ споръ, этимъ бы я уже признала, что могу быть и неправой. Вотъ она, настоящая, послѣдняя, окончательная правота — именно такая, которая умѣетъ не допускать сомнѣній и вопросовъ! Фигаро принужденъ уступить, принужденъ признать,

что нужно остановиться — ἀνάγκη στῆναι, выражаясь словами Аристотеля, — предъ волей своенравной, но для него не-преодолимо очаровательной женщины. И тогда внезапно обнаруживается, что высшая инстанція, окончательно и навсегда полагающая конецъ всякимъ спорамъ и пререканіямъ, — въ капризѣ случайнаго, брэннаго и преходящаго, но милаго и близкаго сердцу существа. Такъ, говорю, строилъ теорію познанія своихъ героевъ проницательный и тонкій Бомарше. Вправѣ ли мы использовать его проницательность и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ не о легкомысленныхъ герояхъ французской комедіи, а о прославленныхъ вождяхъ философскихъ направлений? Допустить, что и у Канта, и у Гегеля, и у самого Аристотеля были свои Сусанны, которыхъ они не умѣли или не хотѣли называть ихъ настоящими именами, но предъ которыми они такъ-же безвольно и восторженно пасовали, какъ и Фигаро предъ своей возлюбленной?

Знаю, что такое сопоставленіе вызоветъ негодованіе! Гегель, Кантъ, Аристотель, съ одной стороны, и безпутный Фигаро, съ другой. Но, помимо того, что «негодованіе» вѣдь никакъ не можетъ сойти за возраженіе, на этотъ разъ я могу сослаться на преданіе, и даже классическое, — о которомъ у насъ уже шла рѣчь. Вѣдь самъ Платонъ не постѣснялся рассказать намъ о столкновеніи Өалеса съ Өракіанкой или, лучше сказать, о томъ, какъ молодая невѣжественная (и тоже, повидимому, очаровательная) дѣвушка посрамила отца философіи. Спору быть не можетъ: престарѣлый Өалесъ былъ посрамленъ юной Өракіанкой, ибо она весело хохотала, стоя на твердой землѣ, а онъ безпомощно взывалъ, барахтаясь въ своемъ колодезѣ. И тоже, какъ я уже указывалъ, спору быть не можетъ, что критика Өракіанки многому научила философовъ: ἀνάγκη στῆναι — оно родилось не въ душѣ Аристотеля, а въ душѣ проваливавшагося въ колодезь Өалеса. Это испуганный Өалесъ, подъ громкій хохотъ деревенской красавицы, принялъ твердое рѣшеніе отнынѣ не идти наудачу, куда Богъ пошлетъ, а прежде, чѣмъ продвигаться впередъ, тщательно разглядывать, куда ставить ногу.

Въ этомъ основное заданіе того, что принято называть теоріей познанія. Кантъ меньше всего былъ озабоченъ тѣмъ, чтобъ оправдать науку и чистый разумъ. Онъ такъ же хорошо, какъ и Гегель, зналъ, что нельзя поднимать вопросъ о правахъ научнаго знанія. Ему только нужно было дискредитировать своевольную и капризную метафизику, т. е. показать, что метафизика возводитъ свое зданіе не на прочномъ гранитѣ, а на пескѣ. Возраженіе же Гегеля нужно понимать такъ, что разъ мы хотимъ сохранить увѣренность въ незыблемости нашихъ методологическихъ пріемовъ розысканія истины, то лучше всего совершенно упразднить вопросъ, откуда пришла къ намъ

эта увѣренность. Важно, чтобы увѣренность была, а откуда и какъ мы ее добыли, это уже дѣло второе. Даже больше того: только такая увѣренность прочна, о которой никто не можетъ ни вспомнить, ни догадаться, когда и откуда она явилась. Ибо, если начать припоминать и допытываться, — гдѣ порука, что наше любопытство приведетъ насъ къ желаннымъ результатамъ? А что, если получится обратное? Если желаніе обосновать увѣренность не только не упрочить, но расшатаетъ ее. У насъ есть знаніе, и знаніе принесло намъ очень много: отъ добра добра не ищутъ. Останемся при томъ, что есть, и усыпимъ въ себѣ безпокойнаго искusstеля. Философу нельзя забывать опасный опытъ Фалеса и выросшій изъ него аристотелевскій принципъ ἀνάγκη στήναι.

II

Итакъ, не нужно никакой метафизики, или, если уже допустить метафизику, то только такую, которая умѣетъ ладить съ наукой и даже покоряться ей. Ибо — впередъ можно знать — если метафизика столкнется съ наукой, она будетъ «сметена съ лица земли». Новая философія выросла и окрѣпла въ такомъ сознаніи. Послѣ Декарта и, въ особенности, послѣ Спинозы, ни одинъ изъ признанныхъ философовъ не могъ говорить и думать иначе.

Спиноза оставилъ намъ въ наслѣдіе *ethica more geometrico demonstrata*. Никто не сомнѣвается, что система Спинозы есть система метафизическая. Но многие убѣждены, что Спинозѣ былъ еще чуждъ тотъ «критицизмъ», который созданъ Кантомъ. Въ учебникахъ философіи часто дѣло такъ изображается, что, живи Спиноза послѣ Канта, онъ бы уже не могъ говорить того, что онъ говорилъ. Но едва ли это вѣрно. Повидимому, то, что было существеннаго въ критицизмѣ Канта, уже цѣликомъ заключалось въ *more geometrico* Спинозы. Такъ же, какъ и Кантъ, Спиноза не хотѣлъ «произвольной» метафизики. Онъ добивался строгой научности и, если онъ облекъ свои размышленія въ форму математическихъ выводовъ, то именно потому, что онъ, какъ вслѣдъ за нимъ и Кантъ, больше всего былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы разъ навсегда положить конецъ капризному разнообразію мнѣній и создать постоянное единообразіе сужденій, связанное съ идеей необходимости. Аксіомы, постулаты, теоремы — всѣ эти непривычныя для читателя философскихъ книгъ и, какъ будто бы, бесполезныя облаченія, въ которыя Спиноза нарядилъ свои истины, сослужили свою службу. Они, какъ когда-то слуга персидскому царю обѣ Авинянахъ, напоминали Спинозѣ, что въ метафизикѣ

не должно быть произвола, что она должна быть строгой наукой.

Между прочимъ, у Спинозы, какъ у многихъ другихъ великихъ философовъ, вы не найдете точнаго отвѣта на вопросъ, что такое наука. Даже Кантъ, когда писалъ «Критику чистаго разума» не далъ на этотъ вопросъ исчерпывающаго отвѣта. Наука? Всякій знаетъ, что такое наука. Это — геометрія, ариѳметика, астрономія, физика, — даже исторія. Дальше примѣровъ и общихъ мѣстъ никто не идетъ. И настоящаго опредѣленія разума вы нигдѣ не найдете, — даже у того же Канта, который критику разума написалъ. Предполагается, что всѣ знаютъ, что такое разумъ, какъ всѣ знаютъ, что такое наука. Если же вы сами изъ сочиненій философовъ захотите извлечь представленіе о томъ, что такое разумъ и что такое наука, то все сведется къ одному: разумъ и наука даютъ намъ общеобязательныя сужденія. И тамъ, гдѣ, такъ или иначе, добываются общеобязательныя сужденія, должны кончаться всякія сомнѣнія, всякіе споры: тамъ всѣ всегда думали и будутъ думать одинаково. И, стало быть, тамъ — вѣчная истина.

Начиная уже съ древности и до нашего времени, поэтому, взоры философовъ были обращены къ математикѣ. Платонъ отстранялъ отъ себя людей, не знавшихъ геометрію, Кантъ называлъ математику королевской наукой, и даже Спиноза, самъ правдивый Спиноза считалъ своей обязанностью притворяться, что та истина, которую онъ такъ мучительно разыскивалъ, по своей природѣ не отличается отъ истины математической. Когда одинъ изъ его корреспондентовъ спросилъ его, по какому праву онъ считаетъ свою философію наилучшей, онъ отвѣтилъ ему, что вовсе не считаетъ ее наилучшей, а только истинной, и на томъ же основаніи, въ силу котораго всякій считаетъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ.

Такъ отвѣтилъ Спиноза своему разгнѣванному корреспонденту, такъ говорилъ онъ по всякому поводу и даже иной разъ безъ всякаго повода и въ своихъ сочиненіяхъ. Въ «Этикѣ» онъ общалъ трактовать о Богѣ, умѣ и человѣческихъ страстяхъ такъ, точно рѣчь шла бы о плоскостяхъ и треугольникахъ, онъ даетъ торжественный обѣтъ вытравить изъ своего философскаго словаря всѣ слова, которыя сколько нибудь напоминаютъ человѣческія желанія, исканія и боренья. Ни зло, ни добро, ни прекрасное, ни безобразное, ни хорошее, ни дурное не будетъ вліять, говорить онъ, на его методъ розысканія истины. Человѣкъ есть звено или одно изъ безконечно многихъ звеньевъ въ единомъ безконечномъ цѣломъ, которое онъ называлъ то богомъ, то природой, то субстанціей. Задача же философіи сводится къ тому, чтобы «понять» сложный и за-

тѣйливый механизмъ, въ силу котораго безконечное количество отдѣльных частей складываются въ единое и самодовлѣющее цѣлое. Слова «Богъ» онъ не отмѣнилъ и даже (въ томъ же письмѣ къ своему разгнѣванному корреспонденту) подчеркивалъ, что въ его философіи Богу отведено такое же почетное место, какъ и въ другихъ философіяхъ: правдивый Спиноза не побрезгалъ и этой ложью.

На это обстоятельство я обращаю особенное вниманіе, ибо, послѣ Спинозы, принявшаго на себя всю тяжесть отвѣтственности за впервые въ новой исторіи прославленную ложь, такого рода притворство было чуть ли не возведено въ философскую добродѣтель. И слѣпому ясно: уравненіе — Богъ, природа, субстанція — обозначало, что Богу больше нельзя и не нужно давать мѣсто въ философіи. Иными словами: когда ищешь послѣднюю Истину, нужно идти за ней туда же, куда идутъ математики, когда они разрѣшаютъ свои проблемы. Когда мы спрашиваемъ, чему равна сумма угловъ въ треугольникѣ, развѣ мы ждемъ, что тотъ, кто намъ даетъ отвѣтъ на нашъ вопросъ, имѣетъ свободу такъ или иначе отвѣтить намъ, т. е. обладаетъ свойствомъ, по которому мы отличаемъ живое существо отъ неживого, одушевленное отъ неодушевленного? Оттого-то математика и отличается столь соблазняющей насъ точностью и прочностью и связанными съ этимъ всеобщностью и обязательностью своихъ сужденій, что она отказалась отъ всего человѣческаго, что она не хочетъ ни *ridere*, ни *lugere*, ни *delestari*, что ей нужно только то, что у Спинозы называется *intelligere*.

И, развѣ философія хочетъ и себѣ такой же прочности и общеобязательности, у ней нѣтъ другого выхода. Она должна стремиться только къ *intelligere* и все, что въ *intelligere* не вмѣщается, отвергнуть, какъ несуществующее и призрачное. А мы уже знаемъ, что значить у Спинозы его *intelligere*. *Intelligere* значить представить себѣ міръ, какъ движущееся по существующимъ отъ вѣка правиламъ безконечное количество частицъ (Лейбницъ потомъ говорилъ монады), не имѣющихъ ни возможности, ни права хоть въ чемъ-нибудь измѣнить безъ нихъ и вовсе не для нихъ установленный порядокъ. И Богъ, въ этомъ смыслѣ нисколько отъ людей не отличается. И его «свобода» только въ подчиненіи порядку, который, въ концѣ-концовъ, и выражаетъ его существо. *Deus ex solis suae naturae legibus et a nemine coactus agit*.

Вотъ почему, уже въ «теолого-политическомъ трактатѣ» Спиноза поднимаетъ и безъ всякаго видимаго колебанія разрѣшаетъ вопросъ о смыслѣ и значеніи Библии и Библейскаго Бога. Въ Библии, говоритъ онъ намъ, Истины нѣтъ и Библия не мѣсто для Истины. Въ Библии есть только моральное поученіе.

Это мы можемъ изъ Библіи принять, а за Истиной нужно идти въ другое мѣсто. Да, Библія на Истину не претендуетъ, и то, что въ ней разсказывается, на истину совсѣмъ и не похоже. Богъ не создалъ въ шесть дней міръ. Богъ не благословлялъ никогда человѣка, не открывался Моисею на Синаѣ, не вывелъ евреевъ изъ Египта и т. д. Все это только поэтическіе образы, т. е. вымыселъ, который разумный человѣкъ истолковываетъ въ условномъ и ограниченномъ смыслѣ. Да и того Бога, о которомъ столько разсказывается въ Библіи, нѣтъ и никогда не было, — объ этомъ опять-таки свидѣтельствуетъ разумъ, т. е. то Нѣчто, что безапелляціонно разрѣшаетъ математическія проблемы и въ математикѣ научаетъ человѣка отдѣлять истину отъ лжи. И, наконецъ, — это, пожалуй, для будущаго имѣло особенно важное значеніе, — не только нѣтъ того Бога, о которомъ разсказывается въ Библіи, но и надобности въ немъ нѣтъ. Для людей существенно — такъ постановляетъ все тотъ же, не признающій надъ собою никакой высшей власти разумъ, благодаря которому мы знаемъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ — не то, есть ли Богъ, а то можно ли сохранить всю полноту благочестія, къ которому приучились въ теченіе столѣтій воспитанные на св. Писаніи народы. Спиноза, увѣровавшій въ непогрѣшимость разума, безропотно покоряется и этому его рѣшенію. Да, Бога можно и должно отвергнуть, — но благочестіе и религіозность нужно и должно сохранить. А разъ такъ, стало быть понятіе «субстанціи» или «природы», понятія, которыя не оскорбляютъ умъ воспитаннаго на математикѣ человѣка, превосходно замѣняютъ ставшую для всѣхъ непріемлемой идею Бога.

Спинозовская формула — *deus-natura-substantia*, — какъ и всѣ слѣдующія изъ нея, въ «этикѣ» и въ предшествовавшихъ «этикѣ» сочиненіяхъ выводы, обозначаетъ только, что Бога — нѣтъ. Это открытіе Спинозы стало исходной точкой размышленія философіи новаго времени. Сколько бы теперь ни говорили о Богѣ, мы твердо знаемъ, что рѣчь идетъ не о томъ Богѣ, который жилъ въ библейскія времена, который создалъ небо и землю и человѣка по своему образу и подобию, который и любитъ, и хочетъ, и волнуется, и раскаявается, и спорить съ человѣкомъ и даже иной разъ уступаетъ человѣку въ спорѣ. Разумъ, все тотъ-же разумъ, который властенъ надъ треугольниками и перпендикулярами, и который поэтому считаетъ что ему принадлежитъ суверенное право отличать истину отъ лжи, разумъ, который ищетъ не лучшей, а истинной философіи, — этотъ разумъ со свойственной ему самовѣрностью, недопускающимъ возраженій тономъ заявляетъ, что такой Богъ не былъ-бы всесовершеннымъ и даже просто совершеннымъ существомъ, а потому, стало быть, онъ вовсе и не

Богъ. Всякаго, кто откажется принять рѣшеніе разума, неизбѣжно ждетъ участь Талеса: онъ провалится въ колодезь и всѣ земныя радости стануть для него недоступны.

III

Такъ училъ насъ правдивый Спиноза. Онъ нашелъ послѣдняго судью надъ живыми и мертвыми, самъ предъ нимъ преклонился и намъ завѣщаль, что высшая, послѣдняя мудрость въ подчиненіи этому судѣ, по безвольной волѣ котораго и сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ, и свершается все, что бываетъ въ жизни.

И, что бы ни говорили историки философій, преемникамъ Спинозы по настоящее время не удалось вырваться изъ власти возвѣщенныхъ имъ идей. Ни «критицизмъ» Канта, ни «динамизмъ» Гегеля, ни наукословіе Фихте, ни попытки Лейбница и Шеллинга, ни даже новѣйшая философская критика не въ силахъ была перешагнуть за линію очерченнаго Спинозою круга. Много говорили о рационализмѣ Спинозы, много старались противопоставить его «разуму» нашъ «опытъ», но все это ни къ чему не приводило и привести не могло. Ибо основнаго положенія Спинозы никто не посмѣлъ коснуться. Всѣ послѣ него убѣждены, что, когда намъ нужна истина, мы должны за ней идти къ тому же «неправедному» судѣ, отъ котораго мы узнали, что сумма угловъ въ треугольникѣ равняется двумъ прямымъ. Всѣ вѣрятъ и въ то, что другого «праведнаго» судьи нѣтъ и быть не можетъ, и еще въ то, что и самъ Спиноза за всѣми своими стинами шелъ къ неправедному судѣ и покорно, даже радостно, подчинялся его приговорамъ. Покорность у насъ на землѣ всегда считалась высшей добродѣтелью, ибо только въ томъ случаѣ; если всѣ люди согласятся покориться одному началу, осуществима, по нашимъ представленіямъ, та «гармонія», которая тоже считается высшимъ идеаломъ достижений. Ни одинъ философъ не дерзнулъ бы сказать то, что сказала легкомысленная Сусанна влюбленному въ неѣ: Фигаро, что ея капризъ, капризъ живого существа, стоитъ надъ неодушевленными нормами и законами. Сусанна, вѣдь, прежде покорила Фигаро, а потомъ съ нимъ спорила. Философамъ же приходится обращаться къ слушателямъ, которые къ нимъ совершенно равнодушны и которые ни за что не покорятся, если ихъ не принудить къ покорности силой — все равно, физической или силой діалектики.

И вотъ, мы являемся свидѣтелями поразительнаго явленія. Философы, т. е. люди, которымъ истина дороже всего и которые должны были бы быть правдивыми *par excellence*, ока-

мываются менѣ правдивыми, чѣмъ невѣжественныя женщины. Эракліанка хохотала, глядя на барахтавшагося въ колодезѣ Эалеса, Сусанна откровенно говорила, что для нея капризъ — единственный источникъ истины. Приходилось ли вамъ слышать что либо подобное изъ устъ представителей мудрости? Даже софисты — на что, кажется, ужъ смѣлые люди, такъ скомпрометтировавшіе себя своею смѣлостью предъ судомъ исторіи — и тѣ никогда не разрѣшали себѣ такой правдивости. Они «спорили» съ Сократомъ: имъ хотѣлось, чтобъ и Сократъ, и всѣ другіе люди признали ихъ истину, т. е. согласились бы, что ихъ утвержденія являются не выраженіемъ ихъ «случайныхъ» желаній и устремленій, а чѣмъ-то такимъ, что они получили все отъ того же, стоящими надъ людьми и богами, но не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, даже ни одного изъ признаковъ одушевленности, начала. Вѣдь на этомъ, и только на этомъ, и улавливалъ ихъ въ свои діалектическія сѣти Сократъ, если только то, что намъ Платонъ рассказываетъ о спорахъ Сократа съ софистами, соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Ибо, если бы софисты, какъ веселая эракліанка или безпечная Сусанна, отвѣчали бы на всѣ представленныя имъ возраженія хохотомъ или отказывались бы отъ спора за ненадобностью или изъ презрѣнія къ общеобязательнымъ истинамъ, непобѣдимый въ спорахъ Сократъ былъ бы совершенно обезоруженъ. Но, видно, и софисты вѣрили въ суверенныя права разума декретировать общеобязательныя истины, или, если не вѣрили, значить Судьбѣ не угодно было сохранить въ исторіи слѣды столь необычнаго для смертныхъ дерзновенія. Это вполне допустимо; мы, вѣдь, очень хорошо знаемъ, что боги завистливы и ревниво оберегаютъ отъ людскаго взора наиболѣе глубокія тайны.

Такъ или иначе, исторія философіи свидѣтельствуетъ намъ, что для человѣка исканіе истины всегда было погоней за общеобязательными сужденіями. Человѣку мало было обладать истиной. Онъ хотѣлъ иного — какъ ему казалось, «лучшаго»: — чтобъ его истина была истиной «для всѣхъ». Чтобъ имѣть на это право, онъ создалъ фикцію, что онъ свою истину не самъ творить, а беретъ ее готовой, и не у такого же существа, какъ онъ самъ, т. е., у существа живого, значить, прежде всего, непостояннаго, измѣнчиваго, капризнаго, — а изъ рукъ чего-то, что перемѣнъ не знаетъ и не хочетъ, ибо оно вообще ничего не хочетъ и ему нѣтъ никакого дѣла ни до себя, ни до кого другого: изъ рукъ того, что научаетъ насъ, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ. Соотвѣтственно этому, разъ истина имѣетъ своимъ источникомъ такое особенное и непремѣнно неодушевленное существо, добродѣтель человѣческая сводится цѣликомъ къ отреченію отъ себя, къ самоотре-